

ВОЕННАЯ СТРАДА ПОЭТА

...С ФОТОГРАФИИ на обложке зорко вглядывается вдаль офицер в каске и плащ-палатке — молодой А. Яшин, подтянутый, ладно скроенный, в полной армейской выкладке. Это он написал в 1939 г.: «Нет, не лишнее для певца — Плечи грузчика, грудь бойца. Хорошо с любой стороны, Что такими мы рождены».

С начала Великой Отечественной войны жизнь писателя, как и всего народа, круто повернулась. Позади остались будни работы, учеба по вечерам в Литинституте, незавершенные стихи и поэмы. Впереди была иная работа — страда войны, смертельная схватка с фашизмом, время, когда, по его словам, «будет делаться новая история мира». И неотлучным спутником поэта-солдата на фронте стал его дневник.

Яшин и война... Вряд ли справедливо сводить эту тему к нескольким сборникам, созданным на фронте («На Балтике было», «Красная Горка», «Земля богатырей») да одному-двум рассказам. Война осталась в его творчестве богатейшим идейно-нравственным капиталом, ценностью которого все возрастала. Яшин не стал летописцем народного подвига в войне, баталистом, как его сокурник по Литинституту К. Симонов, но он был и оставался художником *военного опыта*.

Тема войны не отпускала Яшина. В той сложной нравственной переплавке жизненного опыта, что пришлось у него на рубеж 1950—1960 гг., военные воспоминания играли важную роль. В стихах и прозе их присутствие ощущалось постоянно и разнопланово (особенно в последние годы). Деталью в рассказе, метафорой в стихотворении или обобщением они то и дело давали о себе знать. Так в зачине «Сладкого острова» — теплой, лучистой прозы о жизни на лоне природы, — вдруг звучит веско и будто не к месту: «Никакая литература, никакие очевидцы не могли мне дать правильного представления о войне, пока я на ней сам не побывал».

Помимо писательского завета «ни дня без строчки», «Дневники»* были откликом на веление времени: «Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Надо быть впереди, быть везде, чтобы после, если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время я что-либо упустил» (22 июня 1941 г.). И в таком понимании гражданского долга очевидца и художника он не был одинок. Та же мысль и тот же пафос прозвучат в словах К. Симонова о задачах писателей: «...Самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся их дневники». На общефлотском совещании писателей-балтийцев (февраль, 1942 г.) Яшин заносит в дневник директиву В. Вишневого: «Живой эпос фиксировать день и ночь неустанно».

Личная судьба поэта — он прошел войну в подразделениях морской пехоты в каче-

стве политработника и газетчика — определила и содержание его дневников. Это, в основном, рабочие заметки, отчет о личном пережитом, непосредственный отклик на события. Не всегда отделанные, подчас беглые, но всегда искренние и прямые, свидетельства его займут свое место в обширном своде материалов о войне. В «Дневниках» рассказано о «разных днях войны»: и оборонительных боях на подступах к Ленинграду, и — особенно подробно — о героизме и стойкости советских людей в кольце блокады. С непривычной стороны освещена здесь Сталинградская эпопея — с позиций Волжской военной флотилии, корабли которой взаимодействовали с частями легендарной 62-й армии.

И все же «Дневники» — это дневники поэта, и притягательность их в том, что они запечатлели историю становления самобытной личности и крупного художника. Эта тема сплачивает весь разнородный материал и превращает повседневные записи, по точному слову автора предисловия З. К. Яшиной, в «книгу прозы о войне». Она открывает доступ к позднему Яшину, пометив истоки его зрелых мыслей и подводя к коренному его убеждению: «Поэзия — форма активной общественной жизнедеятельности».

По запискам первых месяцев войны заметно, как трудно вживался поэт в новую обстановку. Резкий, угловатый, с изломами настроений, с «жгучим чувством личности», не лишенной даже эгоцентризма, он обуреваем жаждой подвига и славы, стремлением «испытать свои способности на великие дела». Он появляется на фронте в окружении романтических и литературных образов (тут и Пьер Безухов, и молодые Ростовы, и Д. Давыдов, и Лермонтов). Его самонаблюдения при «остроте пребывания между жизнью и смертью» часто вызывают литературные ассоциации, освобождение от власти которых идет постепенно. Между первыми восторгами боевого крещения под Лебяжьим и отстраненно-пристрастной заметкой 1943 г. об одной журналистке — военном корреспонденте («Очень возбуждена, каким я бывал когда-то на Балтике») пролегла широкая полоса испытаний и размышлений поэта. В целом для «Дневников» характерен переход автора от пристально-зачарованного вглядывания в себя, острого психологического любопытства и самоанализа к постижению других жизней, к раздумьям общего, социального плана. На Ленинградском фронте, в дни тяжелых оборонительных боев, Яшин уясняет уже не литературно-заданную, а выстраданную истину: «Я тоже иногда начинаю грустить, но стоит коснуться локтем хороших людей, и я снова загораюсь», ведь даже люди слабые, подмечает Яшин, «вырастают, становятся выносливыми, упрямыми, крепкими, когда они в коллективе. Коллектив — это пальцы, сжатые в кулак».

Сколько обреченно рядом с этими мыслями поэта звучат признания представителей

* А. Яшин. Дневники. 1941—1945. «Сов. Россия», М., 1977.

«поколения обманутых», его одногодковнемцев — не фанатиков даже, а подневольных гитлеровской рекрутчины. Так, в посмертном дневнике К. Э. Гасс — загубленная «надежда немецкой литературы» — писал на фронте об «ужасающем одиночестве посреди массы, готовой в любой момент тебя поглотить». А другой ровесник Яшина, с которым он мог сойтись в окопной схватке, Ф. Хартлауб (1913—1945), причисленный на Западе к «самым глубоким мыслителям своего поколения», находит выход в добровольном нравственном самоубийстве: «Со временем я выработал в себе невозмутимость, в которой есть нечто бестиальное».

Становление личности поэта шло непросто, но «чувство локтя» определило его путь: война и поэт, стремившегося утвердиться в праве «писать и делать, как рядовой боец». Этот опыт солдатской солидарности скажется и позже, в гражданской лирике «пахаря и поэта» мирного времени.

В «Дневниках» рассеяно множество примеров о работе советских литераторов на фронте, об их вкладе в общую победу. Рядом с ними и вместе с ними мужает молодой поэт. Для него эти годы были порой жадного и проникновенного ученичества, перепроверки своих взглядов, что постепенно сделало Яшина профессиональным писателем. Он активно осваивает опыт авторов и старшего поколения, и сверстников, и русской классики. Излишняя прямота или предвзятость, которая подчас ощущается в его оценках (поэзии И. Бунина, например), не мешает выработке высоких требований к своему творчеству. Стремление к литературе «сильных чувств и сильного характера», к дисциплине труда, к строгости в отборе фактов, убеждение в том, что «надо лучше и больше показывать людей», но при этом «не надо общих стихотворных заклинаний» — в этом суть счета, предъявляемого поэтом к себе. На пути в Сталинград, накануне своего наивысшего в войну подъема творческой активности, Яшин записывает заветные мысли о живых и мертвых стихах: «Живые стихи — те, в которых бьется живое человеческое сердце и чувство. Неповторимое, индивидуальное, яростное восприятие грозных событий».

Слов нет, многие из этих яшинских убеждений не сразу закрепятся в его творческом почерке, оставшись до поры до времени декларациями, но изживанием «греха литературности» (А. Твардовский) уже помечены наиболее требовательные записи его дневников. Поэтому понятно, с одной стороны, особое внимание Яшина к Л. Толстому, следами чтения которого перстят дневник: «Как велик Толстой в правде своей и как прост — все самое безыскусственное, лишь пунктуальное следование за истинной человеческих переживаний». И вскоре — толстовское («толстовствующее»): «рассказы о боевых выходах всегда приукрашены и романтичны, а действительность не всегда так страшна и мудра. Вышли, постреляли из лесу по невидимой цели — и все». С другой стороны, Яшин остро судит сокровенную повесть Пришвина «Журавлиная родина» (который, кстати, сам в днев-

никах военных лет исповедуется в любви к Толстому) за отступление от жизненной достоверности, от правды народного характера: «Снова при чтении Пришвина у меня появилось ощущение, что автор в сущности не знает настоящего крестьянина, его душу, жизнь, быт. Знает не более, как горожанин, интеллигент. Ненастоящие у него мужики, не весь мужик. Он замечает только верх из его жизни...»

Здесь важен не очевидный промах в оценке (Яшин вскоре сам испытает «отдачу» — получит от К. Зелинского упрек в «идеализации деревни» в сборнике «Сосновая грива»), а выбор темы для критики — народная жизнь. Сколько закономерно она появляется на страницах дневника военных лет, понятно лишь, пожалуй, с итоговых позиций Яшина. Но об этом говорит и сам дневник. Автор не шадил собственного самолюбия, по дневниковым записям прослеживается, как нарастает недовольство поэта достигнутым и обретенным. И, наконец: «Мне надо вернуться к вологодскому началу. Надо сделать книгу, в которой дать старые северные стихи, показать богатство Родины нашей и дальше — оборону, чтобы было видно, за что мы воюем. Прочитай Твардовского «Смоленщину» (СП, 1942)... принцип у нее такой же» (I.VI.1943 г.)

Возврат Яшина к «вологодскому началу» в разгар войны менее всего означал поиск тематической новизны или смещение акцентов. Это был закономерный исход патристической темы и ее укоренение в народной жизни: «Для меня Россия — эти вот родимые места», — скажет он позднее. Сохраняя идейный размах, чувство «малой родины» обретало особый накал и животворную цельность переживаний. Вид северных лесов за Ленинградом вызывает в памяти Яшина родные места (Шарья, Глубокое). В заволжской степи он приметливо укажет на отличия села от северной деревни. Еще существенней то, что в его поэзии тема войны органически выливается в тему труженика, тоскующего по земле, по крестьянской мирной жизни, как в стихотворении 1941 г. «Поле»: «Ничего! Крепнись, моряки! Час придет — возьмемся за распашку: нам и поле поднимать с руки».

Вопросы творчества в военную годину не были и не могли быть для Яшина самоцелью. Но без интенсивной работы ума и совести он не мыслил выполнения своего солдатского долга. Уже в «Дневниках» «вологодское начало» предстает больше, чем сосредоточенностью на одной теме — как выражение активной гражданской позиции, чуткой отзывчивости на чужую беду. Страницы, повествующие о побывке в конце войны на Вологодчине, о жизни земляков, уже освещены яшинским пронзительным светом «любви, сострадания и радости» (его слово о В. Белове). Здесь, в далеких от фронта местах — в Шарье. Блуднове, Никольске — он видит и то, что «в полях пашут мальчишки, что «основа колхоза — женщины», что «в каждом почти дому убитые, чаще 2—3 человека, о многих нет известий по году, но в их жизнь

еще верят». И здесь же с удовлетворением и пониманием отмечает: «Работают люди хорошо» — и еще: «До войны Никольский район при полном наличии машин и рабочей силы в колхозах поставлял государству 160 000 пудов хлеба в год. Ныне дает 300 000 пудов».

Это открытие «второй половины войны», переданное в сдержанных дневниковых строках, выдает силу воздействия его на автора. Завязь единства слова и дела, цельность «творческого поведения» позднего Яшина обозначилась именно в эту военную пору. Он мог сказать о себе взыскательно и вско: «Полезное дело я делал все время и был нужен всегда, пусть незаметен».

«Дневники» вобрати в себя определенную часть размышлений и переживаний поэта. Другой частью являются его стихи военных лет, которые стали поэтической

хроникой войны, «стихотворным протоколом», как назвал он «Город гнева» в 1942 г. В своей совокупности «Дневники» и вырастающая из них поэзия Яшина воссоздают героичку и драматизм войны «с живого толоса» поэта. В летописи войны появился труд, отмеченный высокой познавательностью содержания и художественной силой лучших его страниц, труд «еще одного свидетеля», как именовал себя поэт.

Помимо этого книга открывает нам доступ к живому Яшину в важнейший период его жизни — и как человека, и как художника. Если его проза, по словам критика Ал. Михайлова, «взяла разбег с того плацдарма, на котором пустила корни его поэзия», то на исходные рубежи для броска на этот «плацдарм» Яшин выдвинулся уже в своих «Дневниках».

Л. МАЛЬЧУКОВ

Источник: Мальчуков Л. Военная страда поэта / Л. Мальчуков // Север. — Петрозаводск, 1978. — № 6. — С. 123–125.